

Выступление Е.Т. Гайдара на презентации книги «Долгое время» 18 января 2005 г.

Дорогие друзья, в первую очередь, я хочу поблагодарить всех, кто пришел, – здесь много хорошо мне знакомых и очень приятных людей. Не буду пытаться пересказать содержание книги и уж, тем более, воздержусь от каких бы то ни было оценок. Попытаюсь, по возможности, коротко рассказать, почему проблематика стратегии развития России, во-первых, важна, а, во-вторых, поддается обсуждению.

В начале XX века, сто лет назад, такой вопрос не ставился. Существовал широкий консенсус о том, что стратегические проблемы России важны, поддаются обсуждению. Больше того, было согласие по поводу того, как такие проблемы надо обсуждать. Самые разные люди: Струве, Туган-Барановский, Гриневецкий, авторы плана ГОЭЛРО, в конце концов, Ленин и Витте, при массе расхождений, принципиально сходились в том, что стратегические вопросы развития России важны и что ключ к серьезному обсуждению этих проблем – опыт стран, которые являются более развитыми по отношению к России. Вокруг того, как этот опыт интерпретировать, шли многочисленные и интересные дебаты, но сама парадигма была общепринятой.

Сегодня такого согласия в российской интеллектуальной и политической элите нет. Сказалось действие, по меньшей мере, трех существенных факторов.

Первый из них – страна еще не вышла, а только выходит из глубокого кризиса, который связан с крахом социалистической экономики. В социально-политической и экономической жизни России все время что-то происходит. На фоне повседневных проблем и постоянно меняющейся картины поля битвы, у элит, принимающих решения, всегда есть желание отмахнуться от долгосрочных проблем. Последний пример – суматоха по поводу бездарно проведенной (хотя, безусловно, необходимой) монетизации льгот. Явный сигнал, подаваемый властями примерно таков: сейчас не время разбираться с долгосрочными проблемами, надо быстро расшивать узкие места, а дальше видно будет. Такое нежелание заниматься долгосрочной перспективой - не чисто российская проблема. Скажем, великий экономист XX века Джон М. Кейнс, на жизнь и активную работу которого наложились две мировые войны, кризис золотовалютного стандарта и великая депрессия, как многие присутствующие знают, категорически отказывался обсуждать проблемы долгосрочного экономического развития. Его слова, что «в долгосрочной перспективе мы все умрем» - общеизвестны.

Второе. В начале XX века на обсуждение долгосрочных проблем мощное интеллектуальное влияние оказывала марксистская традиция. Логика железных законов истории, в соответствии с которыми более развитые страны показывают менее развитым картину их собственного будущего в неявном виде присутствовала во всех дебатах, посвященных развитию России в XX веке. Она просматривается даже в Записках Государю Императору С. Витте, который, разумеется, марксистом не был. XX век показал, что экономическое развитие идет более сложно, чем это казалось Марксу в

середине XIX-го. А крах социалистического эксперимента во многом подорвал интеллектуальную репутацию и привлекательность марксизма.

Третье. В XIX и в начале XX века, на ранних стадиях индустриализации промышленная политика представлялась инструментом не всегда эффективным, но, по меньшей мере, не лишенным смысла. Когда вы видите, что в более развитых странах есть экономика угля и стали, то почему и у себя не попытаться создать экономику угля и стали. Тем более, что это не так трудно, если можно мобилизовать финансовые ресурсы. На ранних этапах индустриализации такая промышленная политика была одним из важнейших инструментов, ускоряющих развитие. В конце XX века стало ясно, что на постиндустриальной стадии промышленная политика – более спорный инструмент. Мир выходит на другой уровень развития, когда роль промышленности в занятости, в ВВП сокращается. Резко ускоряются технологические сдвиги. Попытки имитировать то, что было возможно и эффективно в эпоху угля и стали, оказываются бессмысленными. Сейчас привлекательность апелляций к опыту более развитых стран меньше, чем была 50 или 100 лет назад. Принимая истинность глубоких изменений, произошедших в мире в XX веке, тем не менее, важно с водой не выплеснуть ребенка.

Конечно, в XX веке мир оказался устроенным более сложно, чем мир Маркса середины XIX века. Выяснилось, что он многомерный, что для национальных траекторий важны не только уровень экономического развития (то, что Маркс называл уровнем развития производительных сил), но и наследие традиций аграрных цивилизаций, та стадия экономического развития, которую проходят страны-лидеры, и целый ряд других параметров, без которых серьёзное обсуждение проблем экономического роста невозможно. Но даже сегодня, из XXI века, учитывая многомерность мира и располагая тем статистическим аппаратом, которого Маркс не имел, прогнозировать развитие стран-лидеров в условиях бурно меняющегося мира – занятие тяжелое и неблагодарное.

Ясно одно: страны-лидеры показывают нам не картину нашего будущего, но те проблемы, с которыми нам придется столкнуться. Видение и учет этих проблем важны, чтобы понять, что надо делать в России сегодня для успешного решения этих проблем. Есть известная многим присутствующим здесь концепция А. Гершенкрона, писавшего о преимуществе отсталости. Он интерпретировал преимущества отсталости, в основном как технологические преимущества, связанные с возможностью для менее развитых стран заимствовать технологические инновации, уже созданные в более развитых, и на этой основе обеспечивать более высокие темпы роста, чем страны-лидеры. В какой степени это преимущество отсталости сохраняется сегодня – вопрос дискуссионный. Но, на мой взгляд, на протяжении последних десятилетий становится ясно, что есть иное преимущество отсталости, связанное не с технологическими, а с институциональными инновациями. Когда мы выходили из постсоциалистического кризиса (из которого по сей день не вышли окончательно), была иллюзия, что мы вступаем в стабильный мир. Но мы не возвращаемся в стабильный мир. Мы входим в мир другого, более масштабного переходного периода, который называется, с подачи Саймона Кузнецца, современным экономическим ростом.

Этот мир динамичный и плохо понятный исследователями. Он продолжает изменяться. Это мир, в котором существует набор глубоких внутренних проблем. Кейнс,

который не любил разговаривать о долгосрочных проблемах развития, тем не менее, признавал, что есть хотя бы одна важная социально-экономическая область, в которой долгосрочные прогнозы достоверны и имеют смысл. Это демография. Демографическая динамика имеет серьезные экономические последствия, причем, эти последствия прогнозируемы, устойчивы и требуют ответа. Приведу простой пример: нам задана на десятилетие тенденция старения населения. Причем, не только России, всем развитым странам. Существует очевидная корреляция расходов ВВП на здравоохранение и доли старших возрастных групп. В Соединенных Штатах на последний год жизни приходится треть расходов ВВП на здравоохранение. В условиях постиндустриального общества растет доля ВВП на здравоохранение всех возрастных групп. В том случае, когда базовые потребности в питании и одежде удовлетворены, люди начинают заботиться о своем здоровье. Качество медицины растет, продолжительность жизни повышается – все это задает устойчивую тенденцию роста доли здравоохранения в ВВП наиболее развитых стран. 50 назад, когда создавались нынешние системы здравоохранения, доля расходов здравоохранения в ВВП была около 2%. А сегодня она, в США - под 14%, а в других развитых странах – около 10%. Система здравоохранения создавалась в условиях, когда никто не задумывался о том, насколько изменится общество за полвека. Тогда казалось, что возможности государства обеспечивать государственное финансирование здравоохранения безграничны. Именно в это время мир переходил с одного уровня максимальной доли бюджетных расходов в ВВП, совместимой с экономическим ростом (которая составляла примерно 10% и была на протяжении столетий характерна для аграрных обществ), на новый уровень, порожденный современным экономическим ростом, индустриализацией. Этот уровень бюджетных расходов колеблется, в зависимости от того является страна моноэтнической или полиэтнической, - от 30 до 50% .

В период с 20-х по 60-е годы XX века, когда сформировались контуры современной пенсионной системы, системы финансирования образования, системы социальной защиты, системы финансирования медицины, повторю, казалось, что возможности их государственного финансирования безграничны. Когда американцы вводили свою систему пенсионного страхования, двух процентов отчисления от заработной платы хватало, чтобы ее финансировать.

Все перечисленные системы в условиях постиндустриального роста нуждаются в реформировании. Эта проблема носит фундаментальный характер. Сложность реформирования заключается, прежде всего, в том, что системы эти в развитых странах - достаточно жесткие структуры. Когда страны догоняющего роста (а к ним относится и Россия) пытались создавать у себя подобные системы, ориентируясь на модели, существующие в странах-лидерах, сформированные институциональные структуры оказывались внутренне противоречивыми и неустойчивыми. Здесь и можно использовать преимущество отсталости. Страны догоняющего экономического роста могут заимствовать у стран-лидеров понимание набора стратегических проблем в подобных областях, решать которые все равно придется. Надеюсь, не надо объяснять, как трудно сейчас реформировать пенсионную систему во Франции или Германии в силу накопленных пенсионных обязательств. Их одновременно нельзя в долгосрочной перспективе обеспечить, а с другой, нельзя отменить. Поэтому неудивительно, что радикальная реформа пенсионной системы, направленная на формирование

накопительной пенсии, была проведена отнюдь не во Франции или в Германии, даже не в США и не в Англии, а в Чили. Вслед за Чили пошли многие другие страны догоняющего развития, в которых еще можно провести глубокую перестройку пенсионной системы.

Еще один пример. Система комплектования вооруженных сил по призыву, возникшая в XIX веке, была без сомнения наиболее эффективной, по крайней мере, для крупных континентальных стран, в XIX - начале XX века. Когда ее вводили в России, в рамках милютинской военной реформы 1874 года, на одну женщину приходилось 7.1 рождения. По канонам проводимой военной реформы единственный сын не принадлежал призыву. А теперь представьте себе, где взять второго сына в стране, со средним количеством рождений на одну женщину (как в Германии, Италии, Испании, России, Японии) в районе 1,3 – 1,4. Неужели семья в демократическом, урбанизированном, грамотном обществе, армии этого сына отдаст в армию? Мы не первые столкнулись с этой проблемой. Когда к такой же стадии развития подошла Франция, стало ясно, что можно с большим трудом забрить призывника в армию. Но на войну его послать нельзя. Франция, воевавшая и проигравшая войну в Индокитае, ни одного призывника в Индокитай послать не смогла. А когда она решила послать своих призывников в Алжир, французы проголосовали за независимость этой страны.

Надо понять – мы не одни в этом мире и мы сталкиваемся с неслучайными и глобальными проблемами. Мы имеем дело с глобальными проблемами, возникшими не вчера, и не только у нас. И, хотя такие проблемы долгосрочны, начинать их решать необходимо сегодня.

В заключение несколько слов по поводу удвоения ВВП то ли к 2010 году, то ли за 10 лет. Как, по-моему, справедливо, сказал советник президента по экономике Андрей Илларионов действие властей последнего года эту проблему сняли, она перестала быть интересной. Но, если говорить более широко, то мне кажется, опыт XX века показывает, что сама постановка проблемы не точна. Есть хорошо известные способы краткосрочного или среднесрочного ускорения экономического роста. Можно построить экономические институты и модели, которые позволят добиться этой задачи. Беда в том, что это мало что решает. Вспомним, что Мексика, используя благоприятную конъюнктуру нефтяных цен и ввод новых месторождений, в конце 70-х – начале 80-х существенно ускорила темпы роста. Закончилась эта история катастрофическим кризисом 1982 года и длинной экономической стагнацией.

Важнейшая предпосылка долгосрочной устойчивости экономического роста в условиях глобального и меняющегося мира - способность общества и национальных элит сочетать две важнейших компоненты: стабильность институтов и институциональную гибкость, способность к адаптации. Мы постоянно сталкиваемся с новыми вызовами и от того, как мы способны адаптироваться к этим вызовам зависит, как пойдет развитие страны в долгосрочной перспективе.

Элементарный пример, который приходит на ум: английская демократия, сформированная в конце XVII века. С этого времени в стране постепенно формируются предпосылки современного экономического роста. Общество и экономика изменяются до неузнаваемости. Политическая система проходит через период радикальной

трансформации – от ограниченной демократии налогоплательщиков до всеобщего избирательного права. И все это время страна демонстрирует способность адаптации своих институтов к изменениям, происходящим в мире при сохранении стабильности экономической и политической системы. Сравните это с трагическим опытом России XIX века. Мы формировали ригидные конструкции, которые на какое-то время позволяли сохранить стабильность и обеспечить экономический рост. Но эти жесткие конструкции оказывались неприспособленными для радикальных социальных изменений, которые нес за собой этот рост, и разваливались. А это, в свою очередь, прокладывает дорогу глобальному кризису.

Может быть это главный урок, который следует извлечь из опыта развития России в XX веке. Сформировать систему, которая позволяет сочетать адаптивность и стабильность труднее, чем в краткосрочной перспективе ускорить темпы экономического роста. Но именно от решения этой задачи зависит судьба нашей страны в XXI веке.